

ЖИЗНЬ В КЛЕТОЧКУ

— ЛИНА ВЕРДИ —

Лина Верди

Жизнь в клеточку

«Автор»

2026

Верди Л.

Жизнь в клеточку / Л. Верди — «Автор», 2026

Жизнь в клеточку – это жизнь каждого из нас, заточённого в несколько квадратных метров. В каждой такой клеточке вершатся судьбы, горят улыбки и льются слёзы. Истории могут быть разными, люди изменчивыми, одно остаётся неизменным – любовь. Нина – среднестатистическая пенсионерка, которая ездит на базар ради кочана капусты, тратит половину пенсии на лотереи, а другую половину – на бездомных кошек. В кладовке у неё горы банок тушёнки на случай апокалипсиса и отглаженное платье для собственных похорон. Нина с нетерпением ждёт обещанного индейцами майя конца света 21 декабря 2012 года. Однажды в троллейбусе Нина заступится за одноухого кота. С тех пор жизнь начнёт преподносить ей всё новые и новые сюрпризы – на пороге её квартиры появится загадочная лысая девушка, а соседские дети устроят потоп. Судьбы переплетутся, чтобы на месте руин зародилось нечто новое и светлое.

© Верди Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1	6
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	14
Глава 6.	16
Глава 7.	19
Г	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лина Верди

Жизнь в клеточку

Вступление

Представьте, что вы заходите в троллейбус, полный незнакомцев. Вам никто не скажет: «этот святой, а этот – подлец».

Обратите внимание на серую безжизненную женщину у окна, которая держит тяжёлую сумку и смотрит в одну точку. Мимолётно в вашей голове промелькнёт мысль о том, какая она, должно быть, уставшая. Глубокие синюшные мешки под глазами укажут на это обстоятельство, а её тяжёлый взгляд в никуда ещё больше подтвердит ваши догадки. Внезапно, она уступит место старику. Вы её зауважаете, мысленно похвалите. Через час она накричит на своего ребёнка.

Парень в наушниках обратит ваше внимание на себя сам – не снимая рюкзак, всем мешая и толкаясь локтями. Вы уже готовы назвать его «уродом». Но вы никогда не узнаете, что сегодня он похоронил мать. Да, в данную минуту, для вас он неприятный, неотёсанный, грубый. Но, ему больно. А вам нет. Для него стёрты границы справедливости.

Эта книга, как троллейбус. Не пытайтесь вешать ярлыки. Они, безусловно, имеют право на существование. Но не здесь.

Здесь множество оттенков – так свет от фар дорогих автомобилей отражается в зловонном облаке полувекового деревенского автобуса; так первый снег облегчает душу, а масляные глаза продрогшей бродячей собаки заставляют эту самую душу болеть; так самой вкусной едой в жизни были незрелые сливы в саду у бабушки; так прогорклая серость безликих панелек впечаталась в ДНК и будет передаваться по наследству, подобно мутированному гену.

Здесь много героев, и нет второстепенных ролей. Все они главные, все они разные, все они изменчивы, подобно нашему миру. Каждый из них и есть – целый отдельный мир со своими достоинствами и недостатками, выявлять которые вы не вправе. Вы – лишь наблюдатели, а не судьи. Вы просто пассажиры, которые зашли внутрь и сели на свободное место.

И когда троллейбус тронется – начнётся эта история.

Глава 1

Россия занимает первое место в мире по оснащённости городов троллейбусами. Тем не менее, каждый божий день случается час пик. Пассажиры умудряются утрамбоваться в транспорт так, что дышать приходится нос в нос. Не очень-то приятно, особенно, если нос с соплями.

– Почему бы не открыть окно? – спросит либо смелый, либо безумный. И откроет портал в преисподнюю. Потому что каждый уважающий себя пассажир знает главную заповедь общественного транспорта: «Не высовывайся!» Будь то просьба сделать музыку потише, или совершенно невинный вопрос о том, когда «такая-то» остановка, или еще хуже, если вы начнёте рассуждать об организации транспортного движения, высказывать недовольство кондуктору, закатывать истерику, вопить или угрожать. Вот тогда – пиши пропало. Кондуктор – это вершитель судеб. Ад у него скромный – место у задней двери и вечная борьба с «зайцами».

Другое дело – среднестатистическая пенсионерка, божий одуванчик, которой законы не писаны ни на бумаге, ни на лбу. И вот, что я вам скажу, она имеет право устанавливать полную анархию, как человек воспитанный в СССР и переживший его распад. Ну кто же может запретить ей такое невинное удовольствие, как решение неких социальных, а иногда и государственных проблем? Она ведь пережила динозавров и вас еще переживет. Кто может упрекнуть в подрыве эмоционального состояния пассажиров? Кто осмелится не уступить место или ненароком толкнуть, когда боишься пальцем тронуть, чтобы не привлекли к ответственности за повреждение реликвии? И, конечно же, не стоит сокрушаться, якобы, это она, святая простота, всё затеяла. Если вы покидаете транспорт раньше своего пункта назначения, да ещё и нетипичным для себя способом, значит так надо. Кому-то везёт больше, и он продолжает путь у поручня, как у позорного столба на радость нашей затейницы. И не вздумайте её критиковать. Сначала доживите до её лет, а потом придумайте, чем себя занять, чтобы не свихнуться от боли в коленках.

Хотите я отвечу на самый большой вопрос человечества – что заставляет этих божьих созданий вставать в семь утра, занимать ваше сиденье в троллейбусе, мило ухмыляться, переехав по вашим чистым кроссовкам своей тележкой, направляться в другой конец города, чтобы купить один кочан капусты? Именно! Боль в коленках.

Да! Больные коленки заставляли Нину просыпаться ни свет ни заря, и до головокружения выбивать из накрахмаленных подушек последние признаки их перьевой души. Больные коленки вмиг лечили тугоухость и вынуждали в очередной раз жаловаться участковому на громкие крики и топот с верхнего этажа. Больные коленки, точно дьявол, тащили Нину делать ненужные вещи. Например, абсолютно ненужной вещью по мнению пожилой женщины, чьи пышные формы занимали почти треть хрущёвской кухонки, был даже выход из жилища, а уж поездка в душном троллейбусе была категорически неприемлемой вещью. Однако, каждое утро, как по расписанию, Нина, отдавливая модные и не очень, чужие ботинки (при этом не утруждаясь в извинениях), ездила на базар.

Нина – удивительная женщина. И противоречивая.

На базар она ездила, чтобы купить продукты дешевле, чем в магазине у дома, но не было ни дня, когда бы Нина не ругалась с такими же вредными, как и она сама, пенсионерками о том, что те совсем обнаглели, и что в магазине у дома помидоры на двадцать рублей дешевле. Старушки и рады были «пособачиться», наслаждаясь своим превосходством. Нине было невдомёк, что хитрые бизнесменши закупали овощи на оптовке, выдавая их за собственноручно выращенные, и уступая, наконец, в цене, они едва могли скрыть ухмылку, видя победоносный вид покупательницы.

В своей кладовке Нина выстраивала высоченные пирамиды из банок тушёнки и баррикады из пакетов гречки на случай конца света, ядерной войны, прилёта инопланетян, а рядом красовалось идеально отглаженное платье для её собственных похорон.

Самыми большими страстями Нины были дворовые кошки и лотерейные билеты. На то, и на другое женщина тратила почти половину своей пенсии. Собственных кошек Нина дома не держала из-за маниакальной чистоты.

А что касается лотерей, Нина была жутко азартной. И всякий раз, следя за выпавшими номерами, осеняла себя крестным знамением.

Глава 2.

Коты в нашей жизни, впрочем, как и люди, появляются не просто так. С людьми, в большинстве случаев, дело обстоит куда проще. Как только завязывается новое знакомство, мы почти сразу можем решить: впускать того или иного человека в своё пространство, или лучше не стоит. Бывает, что нам не оставляют выбора. В таком случае может понадобиться помощь посторонних людей, или полиции. Но вот что делать, если попадётся такой себе аморальный назойливый кот?

Возможно, если бы не принятая с утра лошадиная смесь болеутоляющих от коленок, валокордина от сердца, валерьянки от нервов и дешёвого растворимого кофе для бодрости, Нина никогда бы не сделала того, что сделала. Но его величество случай не оставляет шансов даже самым закоренелым педантам. И в этот раз, баранья упёртость сыграла с Ниной злую шутку, перевернув с ног на голову ситуацию, описанную ещё в самом начале. В этот раз, нетипичным для себя способом, но тем не менее, с высоко поднятой головой, троллейбус пришлось покинуть самой Нине. Да ещё и не одной. И вот, как это было.

Нина возмущалась всем подряд. Сначала она была недовольна, что троллейбус «еле тащится», затем, что «несётся, как угорелый».

Когда в транспорте было ещё пусто, Нина скучала и сетовала на огромное количество машин, загрязняющих экологию. «Вот сидим себе в троллейбусе, никому не мешаем, ничего не загрязняем, а эти накупят иномарок и воняют своими газами. Так нет бы по делам ездили, что-то полезное делали, а они по магазинам, да ресторанам туда-сюда. Тьфу!» – сообщала Нина немногочисленным зевающим пассажирам; а когда толпа наполняла салон по самое не хочу, Нина негодовала: «Как килька в консервной банке! Ни пройти, ни проехать! Откройте окно! Нечем дышать!»

Одним жарким летним днём внимание Нины привлекли громко хохотавшие студентки. Нина смотрела на их тонкие руки-веточки, персиковые лица, ещё не испещрённые неестественными нитями, и думала о коварстве времени, которое рано или поздно, как грязная собака, оставит свои отвратительные беспардонные следы на чистом одеяле молодости. Нине было одновременно жаль и себя, и неоперившихся студенток. А ещё ей очень хотелось зарядить сумкой по этим хорошеньким пустым головкам, когда случался очередной взрыв смеха.

Глубоко увязнув в размышлениях и воспоминаниях, Нина не сразу заметила на соседнем сидении интересного пассажира. Чернющий одноухий кот, мирно покачиваясь в такт дребезжащему троллейбусу, шурясь от августовского солнца, никому не мешал, а только мурчал от сиюминутного счастья. Вот уж кто действительно умел жить настоящим моментом, и не сетовать на судьбу.

– Это ваше животное? – послышался сзади скрипучий неприятный голос.

Нина не сразу поняла о каком животном идёт речь. Начав крутить головой во все стороны, она увидела кота с порванным ухом, и женщину, обладательницу наипротивнейшего голоса и плоского лица, до безобразия напоминавшего мордочку мопса. Поэтому Нина после весьма продолжительной паузы ответила коротко и ясно: «Нет».

– Тогда надо его высадить. У меня аллергия! – во всеуслышание объявила дама-мопс, и вызывающие розочки на её соломенной шляпе гордо закивали в знак согласия со своей хозяйкой.

Нина предпочла бы высадить визгливо тывкающую собаку, от которой у неё начиналась мигрень.

– Пересядьте подальше, вот и всё. – сказала она устало. Её разморило от жары.

Одноухий кот с благодарностью посмотрел на соседку.

– Женщина-а-а, – протяжно и деловито обратилась дама-мопс.

«Ну начинается»

– Какого рожна я должна пересаживаться, когда в салоне находится помойный кот? Ему здесь не место!

– В чём дело? – подоспел кондуктор.

– Нужно высадить этого бездомного кота! У меня аллергия!

– Валера! Остановись! Здесь кот ничейный!

– Стойте! Зачем прямо на мосту? Пусть доедет до остановки! Вон как гоняют! Собыют же. – вступилась Нина за кота.

– Нет! Ну вы это слышали? А реанимировать меня вы будете? Я поражаюсь с этих кошатиц! Им помойные коты дороже человеческой жизни!

– Да заткнись ты уже! Не твякай! – вскипела Нина.

Тем временем троллейбус остановился на полпути, и пассажиры тихо-мирно ждали дальнейшего развития событий. У дамы глаза от возмущения полезли из орбит, она ещё больше стала походить на мопса.

– Вы это слышали? Вы слышали? – как заезженная пластинка, глотая воздух, скрипела от негодования дама.

Наконец, Нина, кряхтя и обливаясь потом, с трудом вытащила себя из заточения уродливых, съеденных временем, сидений, взяла в охапку кота, стукнула своей сумкой по железному плечу дамы и раздражённо зашипела:

– Угомонись уже! Все всё прекрасно слышали!

Двери троллейбуса клацнули беззубым ртом, пассажиры, все как один, замерли и уткнулись носом в стекло, словно рыбы в аквариуме. Дама-мопс, так и не смогла прийти в себя после нанесённого ей оскорбления, и продолжила беззвучно шевелить губами.

Нина раздосадовано проводила взглядом злополучный троллейбус, заметив при этом в окне скользкую ухмылку седовласого мужчины. Кажется, он остался очень доволен представлением, одобрительно кивнув, и свернув голову в сторону удаляющейся фигуры колоритной и характерной женщины с котом подмышкой.

– У-у, я тебе! Старый хрыч! – Нина пригрозила кулаком нахальному мужлану, посмевавшему над ней смеяться.

Когда у Нины ничего не болело, она была жутко принципиальной. Казалось бы, какое ей дело до замызганного кота. А никакого! Соппротивление было в её приоритете. Будто сама себе она хотела доказать, что ещё есть порох в пороховнице. Что ничего не стоит вот так взять, и хвостом вильнуть, совсем как в молодости. Но действие любого зелья имеет свойство заканчиваться. И карета рано или поздно превращается в тыкву. Особенно, когда тебе далеко за двадцать.

– Ну и что ты на меня так смотришь? Обидно, наверное, когда помойным котом обзывают. Так нечего по помойкам лазить. Всё, ступай с Богом. – обратилась Нина к одноухому коту. – Да смотри, аккуратно, на дорогу не ходи! Гоняют, как ошалелые! Давай, шагай впереди, а я сзади послежу за тобой.

Одноухий кот безоговорочно последовал указаниям своей заступницы, а Нина, переваливаясь в разные стороны, поковыляла по тротуару моста, чертыхаясь на мимо пролетающие гулкие автомобили.

Глава 3.

– Бабушка! Бабушка! – послышался то ли женский, то ли мужской голос сверху.

Нина почувствовала настолько зловонное дыхание, что, грешным делом, решила – смерть пришла. Единственное, что навевало сомнения в её ошибочном предположении – больно заботливый тон. «Смерть церемонится бы не стала.» – размышляла Нина с закрытыми глазами. Она бы ещё долго могла так рассуждать, но кто-то сверху решил всеми правдами и неправдами привести её в чувство, окропив водой (Нина надеялась, что не святой)

– Едрить твою налево!

Нина ожила, и машинально замахнулась сумкой, которая была всё время, словно это Святой Грааль, крепко зажата в руке. Только потом, ей удалось с трудом приподнять опухшие веки и сквозь тонкие щёлочки увидеть вредителя, считавшего себя, несомненно, спасителем. Плаваясь и сливаясь вместе с горячим асфальтом, шурясь от солнца, и гримасничая от боли, Нина ощущала себя пережаренным и одновременно разваливающимся блином, приготовленным неумелой хозяйкой.

Худощавый мужчина, пытаясь изобразить смущённую улыбку, и делая вид, что ничего, собственно, не произошло, поправлял съехавшие на нос очки.

– Бабушка! Давайте я вам помогу!

Мужчина продолжил спасательную операцию, намереваясь взвалить на себя непосильную ношу. Таких мужчин Нина не принимала всерьёз, и говорила про них: «Не по Сеньке шапка». Однако, когда ты лежишь посреди дороги с оживлённым движением, и ты – не прекрасная царевна, а скорее – Баба Яга со скверным характером, выбирать не приходится. Хотя, даже Бабе Яге хочется быть принцессой.

– Стоять! – жестом его остановила Нина. – Во-первых, я тебе не бабушка, во-вторых, бросай курить, вставай на лыжи, в-третьих, не надо меня тягать, как мешок с картошкой, дай руку, и всё.

Мужчина покраснел от замечаний, и не рассчитав длины своих конечностей, в растерянности ткнул костлявыми пальцами Нине в нос. Нина исподлобья, не до конца подняв тяжёлые веки Вия, кинула на него презрительный взгляд.

С горем пополам долговязому мужчине удалось договориться со своими непослушными руками, а Нине – с дряхлеющим телом.

Поднявшись на ноги, Нина с удивлением обнаружила возле себя чёрного одноухого кота, томящегося от жары, но вполне расслабленного и довольного жизнью. Он сидел чуть поодаль, лениво наблюдая за поддразниваниями юрких птиц.

– Давайте я вас отвезу в больницу? – предложил худощавый мужчина.

– Вот уж дудки! Чего я там не видела? – ответила Нина, и не попрощавшись, резвым шагом пошла дальше по дорожке, словно бы пять минут назад она не лежала пластом, а вытанцовывала чечётку.

– Стойте. Давайте хотя бы до дома подвезу!

Нина лишь махнула рукой. Мужчина с трудом поспевал за ней, решив не оставлять без присмотра до конца моста.

– Я вам помогу сумку донести. – не унимался спаситель, стараясь перехватить ручку сумки своими крючковатыми пальцами.

– Ой... Караул, грабят, – закричала Нина, забывшись. Она уже давно погрузилась в свои мысли. Мужчина отпрянул.

– Да вы что. Я же помочь хотел. – растерянно произнёс он.

– Едрить твою налево. Тебе че, больше всех надо? Какого лешего ты за мной ходишь? – Нина с укором покосилась на одноухого кота, замыкающего троицу. – И ты здесь?

– Послушайте, раз вы категорически отказываетесь от помощи... Вот... Возьмите визитку.

– На кой мне твоя макулатура сдалась. – бубня, Нинаопять лихо зашагала, оставив стоять мужчину в недоумении.

И всё же, он остался собой доволен, успев проворно засунуть визитку в маленький кармашек сумки.

Глава 4.

Между панелек, в воздухе пахло смесью яблок, сырости, мусора и жареного лука. Дома безразлично глядели своими усталыми глазницами друг на друга. Кажется, тут уже сто лет ничего не менялось. Одни и те же ухабистые узкие дороги, скрипучие железные качели, косой деревянный заборчик, отделяющий цветник, лебеди из покрышек, и окна со своими вечными понятными до боли историями.

Нина всю дорогу до дома пыталась отвязаться от приставучего кота. И «брыскала», и «шикала», и ногой топала, и сумкой отмахивалась, но кот был непреклонен.

– Что за день такой сегодня! – причитала Нина. – Если я за тебя вступилась один раз, это не значит, что нужно меня преследовать! Пора и честь знать! Всё! Пшёл! Иди по своим делам.

Кот вальяжно шагал рядом, изредка отвлекаясь на заигрывающих с ним воробьёв. И всё же совершенно не намеревался пойти по своим делам. Похоже, он точно знал, что делает.

Нину совсем не прельщала мысль стать благотворительницей для ещё одного кошачьего индивида, который, вдруг, с чего-то решил за ней увязаться. К его, кошачьему сведению, Нина не уважает навязчивых котов, и может даже кинуть в них тапком, чтобы не крутились возле беззащитных кошечек. Не нужен ей, бедной пенсионерке, ещё один приплод голодных ртов.

– Ну что, орава, опять жрать хотите? – обратилась Нина к розовым носам, выглянувшим из подполья, учуяв запах своей кормилицы. Кошка-мать, недовольно покачивая пушистым хвостом, кинула подозрительный взгляд на незнакомца с одним отгрызенным ухом. Одноухий слегка потянул мордочку к кошке, чтобы обнюхать её, но та была настроена воинственно, сразу показав, кто здесь главный, зашипев и почти приготовившись к нападению.

– Ну тише, тише, Муська. Перестань. Я тоже не в восторге от него. А ну пшёл отсюда! – Нина ещё раз попробовала прогнать нахального кота, топнув ногой. Одноухий лишь слегка попятился, но вызывающее спокойствие на его бесстыдной морде не оставляло недоброжелателям никаких шансов.

– Нет, вы только посмотрите на него! Впервые вижу такого наглеца!

Терпению Муськи пришёл предел, когда один любопытный котёнок выбился из стаи и резво подскочил к одноухому, играючи пружиня лапкой его хвост. Кошка одним прыжком накинулась на кота, предварительно откинув от него котёнка. Завязалась нешуточная борьба. Одноухий с трудом мог уворачиваться от острых когтей Муськи.

– Ну-ка быстро прекратите! – вмешалась Нина, используя своё неизменное оружие защиты – дамскую увесистую сумку.

Кое-как женщина высвободила из цепкого клубка пыли перепуганного кота и шмыгнула с ним в подъезд. Выражение его потрёпанной мордочки как будто вопрошало: «Что я такого сделал? В чём я виноват?» Он не знал одного – Муська на дух не переносила всех особей противоположного пола.

– Тьфу ты, что за напасть такая! – причитала Нина, поднимаясь по лестнице, с котом в охапку, и тщетно пытаясь справиться с одышкой. Навстречу, весело напевая незамысловатую песенку и перепрыгивая через ступеньки, спускалась девчушка лет девяти. Заметив Нину, она тут же притихла, сжалась и потупила взгляд, но не без удивления, стараясь исподлобья подглядывать на кота, и в то же время незаметно просочиться между стенкой и Ниной.

Все мысли Нины были заняты внезапно свалившимся на неё котом, потому она не обратила внимания на маленькую соседку. Поднявшись, наконец, на второй этаж, Нина опустила кота на коврик рядом с дверью, предварительно приказав ему сидеть смирно, и начала судорожно выискивать ключ, не забывая при этом проклинать всё вокруг. Найдя ключ, и приготовившись им воспользоваться, она, вдруг, замерла. Её взгляд зацепился за белое пятно, на котором сидел кот. Надо сказать, что зрение Нины оставляло желать лучшего, но только в том

случае, когда предмет не представлял для неё интереса. У глаз Нины было удивительное качество – в своей квартире она могла бы обнаружить даже инфузорию туфельку невооружённым взором. Она примечала одинокую пылинку на комод, или капельку на скатерти, не вытерев которую, она ни за что бы не села пить чай. Стоило Нине выйти за пределы жилища, как феноменальное зрение мгновенно трансформировалось в неизбежно уставшее, старческое.

Кряхтя и всё также тяжело дыша, Нина подняла белое пятно. Это оказался согнутый пополам листок бумаги. Открыв его и сфокусировав взгляд, Нина увидела две маленькие треугольные фигурки с круглыми головами, большими глазами и длиннющими ресницами, и одна каракуля чуть пониже, на тонкой палочке овальный кокон с открытым круглым ртом, по всей видимости он что-то кричал. Каракуля была не такая милая и веселая, как остальные. Картина была разделена на две части, сверху – держащиеся за руки фигурки в платьицах и с бантами, снизу – нечто, похожее на монстра из детских страшилок. И это нечто была Нина. Она сразу это поняла, потому что, как ни тяжело было признать, но художник очень точно передал детали её замысловатого гардероба – красный в жёлтый цветочек шарфик на шее, коричневые штаны в клеточку, и самое главное – характерная высокая причёска, на картине больше похожая на ворох спутанных клубков. И всё бы ничего, если бы не устрашающего вида зубы, тяжело-нависшие брови и руки-палки с острыми когтями, поднятые высоко над головой.

Нина долго всматривалась в чудище, критично придираясь к каждой детали. Например, где её любимые красные ботинки? Куриные лапы вместо ног – совсем непорядок. Минус один балл. И потом, брови у неё не такие широкие, а тоненькие и изящные. И пусть она будет хмурой, с этим не поспоришь, но уж изображать такое безобразие на лице – это верх неуважения. Она никогда бы не позволила себе выйти в люди с непричёсанными бровями. Ещё минус один балл. А зубы! Такое ощущение, что она их совсем не чистит. Конечно, она не будет отрицать, что её зубы ненастоящие, но это не отменяет того факта, что они совсем другого цвета. Ещё минус балл. Итого оценка – два. Так она и написала прямо на картине.

Нина пообещала себе обязательно разобраться с оскорбительными художествами, но только после того, как разберётся с котом.

Глава 5.

Место кота в квартире Нины было определено маленьким клочком газеты, постеленным возле двери в прихожей. Одноухий пару раз пытался, как и подобает нормальному коту, разведать незнакомую территорию, но его попытки были тут же пресечены строгой надзирательницей, пообещавшей «отрезать бубенцы». Да, Нина была серьёзно настроена это сделать. Впервые, она надеялась, что Муська его всё же примет в свою стаю, во-вторых, это было дело принципа – кастрированным котом больше, беспризорным приплодом меньше. План по избавлению кота от «проблем» упирался в деньги. Их катастрофически не хватало у пенсионерки. Мало того, что она потратилась на лоток, наполнитель, средства от блох, глистов, так и еды теперь нужно было рассчитывать ещё на один рот, а Муськины котятки росли не по дням, а по часам.

Нине нужно было что-то придумать. И решение нашлось быстро, но далось ей нелегко. Пенсионерка могла сдать одну из комнат в своей квартире, как это делали многие её знакомые. Осень не за горами, а значит студенты с небольших городков ринутся искать жильё в административном центре. Но, как же тяжело было впускать в свою обитель спокойствия и стерильной чистоты всё новых и новых постояльцев, которые, рано или поздно, начнут создавать хаос. Сначала этот блохастый приставучий кот, теперь сопливые студентки, не умеющие экономно пользоваться благами цивилизации, думая, что, если воду берут из водоёмов, то значит она бесплатная. Нет, одна мысль об этом ввергала Нину в шок. Она надеялась дожить остаток своих дней, находя счастье в истреблении мелких пылинок с окружающих её сервантов, картин, зеркал, шкапулок. Это занятие могло подарить ей хоть какой-то смысл нахождения в сломанном теле и в сломанном мире. Для кого-то забота о близких и внуках является локомотивом их второй молодости, а для Нины это была забота о любимых вещах – дулёвском сервизе, венских стульях, фарфоровых фигурках, хрустале, репродукциях любимых картин. Они дарили Нине ощущение безопасности и неизменности. Если её дорогие вещи рядом, значит есть, ради чего вставать по утрам. Женщина старательно вычищала щеточкой самые укромные и заковыристые места в изгибах чашечек, или в струящихся складках изящных фарфоровых танцоров. Изредка, замечая потёртости краски, или мелкие сколы, Нина лихорадочно пыталась зачистить их до прежнего вида, думая, что это налипшая грязь, ведь ещё вчера ничего такого не было. Тогда, женщина осознавала, насколько быстротечно время, и что всё вокруг, даже застывший в энергии танца фарфор подвержен усталости от жизни.

Нина кропотливо принялась за дело, досконально расписывая требования и скрупулёзно, по линейке, отмечая деления. Она расклеивала написанные от руки объявления о сдаче комнаты на подъездные двери и остановочные павильоны. Несмотря на все усилия, Нина уже две недели не могла найти квартирантку просто потому, что телефон разрывался от звонков риелторов и Нина его отключила, чтобы не трезвонили попусту, и не мешали смотреть Рен-ТВ. В конце концов она и вовсе забыла, чего ради, она, собственно, всё затеяла. А работа в палисаднике ненадолго отогнала её тревожные мысли о деньгах.

Поэтому, когда раздался звонок в дверь, Нина ожидала этого меньше всего.

Это был тот самый внезапный звонок, который заставляет сердце биться чаще, особенно если вы уже лет десять никого и ничего не ждёте, кроме обещанного конца света, потому что у каких-то там «мая» закончится календарь.

Нина в мгновение ока сжалась до размеров крохотного зверька, напоминая себе то увеличивающуюся, то уменьшающуюся девочку из страны чудес. Это был не первый раз, когда Нина невольно проводила параллель с героиней сказки. Также, как и Алиса, Нина постоянно разговаривала сама с собой, ругая себя за любую мелочь, в особенности за то, что разговаривает сама с собой, а её квартира напоминала кроличью нору, где предметы исчезали и появ-

лялись вновь. Впрочем, сказка ей не нравилась. Вся эта абсурдность не для неё. Она, человек старой закалки, рациональный и давно уже не верит в чудеса.

«Перестань, Нина, сойти с ума ты всегда успеешь!» – говорила она себе в таких случаях, и тут же добавляла потише: «Только не забудь мне сообщить, когда соберёшься сходить с ума, хоть подготовлюсь...»

По ту сторону двери кто-то настойчиво трезвонил, не оставляя попыток прорваться сквозь глухую стену. В голове Нины, как обычно, усиленно происходило строительство связанных и не очень, мыслеформ, переходящих в непрекращающийся поток моно-диалогов. Нина, буквально, раздваивалась в попытке переложить ответственность с себя на саму себя.

– Кто это? Я никого не ждала. – сказала первая Нина.

– Это должно быть Марковна, – предположила вторая.

– У Марковны больные коленки, как и у меня, и она дико ленива, она никогда сюда не поднимется по своей воле.

– Может, это участковый? Кажется, я его вызывала, когда шумели соседи.

– Или не вызывала.

Дверь по-прежнему содрогалась под напором кого-то чрезвычайно упрямого.

– Мошенники...

Чертыхаясь, и одновременно крестясь, Нина громогласно протрубила: «Ничего не надо! Никого не ждём! Уходите!»

По ту сторону двери притихли. Нина, всё ещё не двигалась с места, насторожившись.

– Я по объявлению! – раздался голос в подъездной тишине.

Глава 6.

Ох уж эти пресловутые «если бы, да кабы». Иногда, вся прежняя жизнь идёт коту под хвост (в данном случае чёрному и одноухому), а ты сидишь и думаешь: «если бы так, а если бы этак», и только ещё больше закапываешься, как страус, боясь нарушить иллюзорную привычность бытия.

Нина любила привычное, и презирала всё, что не соответствовало её представлениям о правильном мире. Правильно было, когда все жили одинаково, пальто у всех серое, а глаза кристально-ясные, что называется, без подковырки, и сразу понятно, кто есть кто – кто честный человек, а кто тунеядец. Поэтому, она никак не ожидала увидеть у себя на пороге лысоватую мужеподобную девицу в широких штанинах, когда сообщала в объявлении о поиске аккуратной, чистоплотной, домашней девушки без вредных привычек, животных и мужчин.

– Здравствуйте, вы – Нина Константиновна? А я Варя. Я по объявлению.

Варя с виноватым видом заглянула в дверную щель и просунула клочок рваной бумаги.

– Сектанты? Денег нет!

– Да нет же. Насчёт комнаты. По вашему объявлению. Вот, посмотрите. –

Варя, робко улыбаясь, вновь ткнула Нине её собственноручную писанину.

– ... без вредных привычек..., без мужчин... – пробубнила Нина, шурясь и одновременно косясь на голову девицы. – Нет, это не моё... не тут это... не тот адрес...

Нина поспешно вернула бумажку обратно в руки растерянной девушки и намеревалась прикрыть дверь, но Варя силой удержала её.

– Как же? Мне ваши соседки сказали...

Нина собиралась пресечь разговор, объявив настырной девице, что всё это ошибка, что не было никаких объявлений, но лысая, широко улыбнувшись, словно чеширский кот, поспешно протянула мятые купюры. Она продемонстрировала (на зависть Нине) все свои тридцать два зуба, словно ей больше ничего не оставалось, кроме как молча заслужить доверие. И других способов она не знала.

– Я готова заехать сегодня же. – не сдавалась она. – Студентам сейчас тяжело найти жильё по адекватным ценам, особенно через риелторов. Это просто чудо, что я наткнулась на ваше объявление. Прошу не делайте поспешных выводов. Я гарантирую, что не доставлю вам проблем.

Нина задумалась. В ней боролось желание взять деньги и страх перед неизвестностью, грозившей нарушить её привычный уклад.

– А с головой что? – бесцеремонно поинтересовалась она.

Варя провела рукой по голове. В тёплом рассеянном свете, маленькие, едва проклюнувшиеся белокрысы волоски, встали дыбом и напоминали мягкий пух цыпленка.

– Что с головой? – смутилась девушка.

– Почему волос нет?

– А-а...это..., это так получилось. Неудачно покрасилась, волосы испортила. Скоро отрастёт. – беззаботно отмахнулась она.

– Хотите осмотреть квартиру? – поинтересовалась Нина после некоторого раздумья.

Она по-прежнему с подозрением наблюдала за гостьей, предусмотрительно держа дверь на цепочке. В её голове то и дело возникали сюжеты по мотивам: «Следствие вели».

– Я бы осмотрела, если бы вы меня пустили. – простосердечно рассмеялась Варя.

– Да-да... – растерянно мямлила Нина, нерешительно снимая защитную цепочку. –

Я хочу сразу предупредить, что у меня строгие правила...

– Конечно-конечно. – Варя перебила. – Без мужчин, без вредных привычек, без животных... Ой, теперь понимаю! Я-то думала вы просто не любите животных, а тут, оказывается, уже есть один пушистик. Какой милый зайка!

Варя потянулась к одноухому коту, который покорно ютился на «Сенсации» в газетной странице.

– Не стоит брать его на руки. Это одно из правил. – осекла Нина Варю.

– Простите. Но, почему?

– Он здесь временно. Как только кастрирую, он сразу же отправится на улицу.

Одноухий с укором покосился на строгую хозяйку.

– Очень жаль. Неужели вы к нему не привязались? И даже имени не дали?

– Нет.

– А я знаю! – просияла Варя. – Это Ван Гог! Правда ведь? Ну скажите же, что это идеальное для него имя?

– Действительно, подходит. Но, это ничего не меняет.

– Ну вот. Теперь у тебя есть имя. И неважно, что будет дальше. – обратилась Варя к Ван Гогу, и он в свою очередь, кивнул ей мордочкой в знак благодарности. Или ей так показалось. В любом случае, приятно было поверить в жест кошащей признательности. Ван Гог свернулся калачиком на своей газетной подстилке, и его мурлыканье зазвучало во внезапно повисшей тишине, как тихий ответ на доброту Вари.

– Что-ж... – Нина первой нарушила неловкое молчание. – Работаешь, учишься?

– Пока ни то, ни другое. Собираюсь найти работу. Но, деньги у меня есть. Задержек в оплате не будет. Не волнуйтесь.

– Кажется, в начале нашего разговора, ты обмолвились, что «студентам сейчас тяжело...»

– Э-э... Да... Я в общем сказала. Ну, в том плане, что вообще... всем студентам... и комната почти даром... Так можно посмотреть?

– Ладно, проходи. Но учти: я буду проверять, как ты моешь полы. У меня критерий – белый носок. И снимай свои копыта, прости-Господи, как-нибудь аккуратнее. Грязь сыпется.

– А где комната?

– Вон там. – Нина кивнула.

– Ой, мне нравится. – сказала Варя, едва кинув взгляд на своё будущее пристанище.

Нина недовольно покосилась. Она не привыкла, что так быстро можно принимать важное решение. Она капусту на рынке и то дольше выбирает.

– Как это? И всё? – переспросила она. Ты квартиру смотришь или шаурму на вокзале берёшь? Надо всё облазить, под кровать заглянуть.

– Зачем под кровать? – Варя удивилась по-настоящему.

– На всякий случай! Поди, покажу розетку. Её не трогай. Она искрится.

– Так может электрика вызвать?

Нина с укором взглянула на Варю.

– Ещё чего! Это моя личная розетка! Она характер проверяет. Кого током не шарахнет – тот остаётся.

– Ясно.

– Ну так что? Остаёшься что ли?

– Остаюсь. – ответила Варя.

Голос её прозвучал не столь уверенно, как раньше. И улыбка показалась Нине как будто вымученной.

Тем не менее, тактика Вари сработала на «ура». Нина крепко сжимала купюры в потных руках и была уже не в силах с ними расстаться. Благодаря им она сможет решить внезапно навалившиеся проблемы, которые сама же себе и создала. Сколько раз Нина себя корила за расточительство, за покупку провизии впрок, за кошек, в конце концов. Всё бесполезно.

«Нина, ты бесполезная единица общества», – твердила она себе, когда лотерейный билетик не выигрывал, а кошки, которых она прикармилла, приносили потомство.

«Вот если выиграю миллион, перестану заниматься ерундой. Обязательно перестану», – мечтала Нина, в глубине души зная, что это совершенно не так. Миллион ей был не нужен. Конечно, деньги никогда не бывают лишними. Зато чувства важнее. Чувства в дефиците, когда тебе уже давным-давно не терпится сказать этому миру: «Прощай». Хочется ещё хоть раз испытать наслаждение, восторг, изумление, дрожь по телу, триумф, и предвкушение... Да, Нина не верила в чудеса. Но, она ничего не могла поделать с ломкой из-за нехватки очередной дозы чувств.

Глава 7.

Честно говоря, Нина совсем не ожидала, что вот так, в один миг, в её квартире появится и кот, и лысоголовая девица, и что они будут даже заодно. И что на старости лет ей придётся познать хаос. И что она даже смирится со всем этим. И если бы ей сообщили, что так будет, она бы сказала, что будущая Нина сошла, наконец, с ума, чего и следовало ожидать, раз позволила вершиться ТАКОМУ безобразию в своей квартире.

Ну а пока Нина ещё не знала будущего, она думала, что всё у неё будет под жесточайшим контролем.

Она ходила за Варей буквально по пятам. И в её голове то и дело возникали устрашающие мысли, озвученные голосом Леонида Каневского. В первую ночь Нина не сомкнула глаз. За стенкой, где поселилась Варя, было бесшумно.

«Нормальный человек не может так тихо дышать, – рассуждала Нина, – Нормальный человек в новой комнате обязательно шуршит вещами и скрипит кроватью».

Она привстала, натянула тяжёлые допотопные резиновые тапки, которыми прихлопнула не один десяток мух, и поковыляла к двери, стараясь не шуметь, но тапки предательски шаркали и топотали.

Сама Варя тоже была, как на иголках. Она лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок уже минут сорок. Потому что слышала каждый скрип половицей, шорох накрахмаленного одеяла и грузные вздохи Нины. Несомненно, в голове у Вари зрели разного рода планы, но совсем не такие, как рисовала разбушевавшаяся фантазия Нины. Варя ворошила свои навязчивые мысли, как осиное гнездо. Она не могла осознать, во что ввязалась. И ей было страшно.

Нина прислонила самое чуткое ухо к двери.

«Боже», – промелькнуло у Вари в мыслях, – «Она караулит. Как спецназ».

Дверь приоткрылась. Варя быстро зажмурилась, а затем расслабила веки и приоткрыла рот, чтобы её сон казался правдоподобным. Сквозь ресницы, Варя увидела силуэт в бигуди. Нина стояла на пороге и всматривалась в темноту.

– Спит, – прошептала она разочарованно. – Или притворяется. Слишком тихо. Нормальные люди храпят, или хотя бы посапывают.

Варя задержала дыхание. Потом нарочно всхрапнула.

Нина промолчала. Удовлетворившись «нормальностью» Вари, она, наконец, закрыла дверь.

Варя с облегчением выдохнула и открыла глаза.

Дверь резко распахнулась снова. Варя замерла. Снова зажмурилась.

– Ага! – воскликнула Нина. – Я всё видела!

– Я пытаюсь уснуть. – жалобно простонала Варя с закрытыми глазами.

– Я вообще-то тоже!

– Так давайте уже спать!

– Уснёшь тут с тобой! То притаилась, как мышь, то храпишь специально. Может ты убийство замыслишь. Кто тебя разберёт?

– А может вы?

Варя привстала на локтях и уже в упор смотрела на Нину.

– Я? – возмутилась она.

– Ну не я же стою сейчас у вас в комнате!

Нина хмыкнула, не найдя чем парировать. Она вновь прикрыла дверь. Шагов слышно не было. Значит она всё ещё была здесь.

«Завтра же съезжаю», – Варя тяжело вздохнула. Ещё пару раз она поглядывала в сторону двери, ожидая очередной засады. Но всё утихло. Может ей вообще это приснилось. Она медленно проваливалась в небытие.

Утро выдалось солнечным. Ничего не напоминало о странной беспокойной ночи. Варя сладко зевнула, растянувшись в кровати. Под пуховым одеялом было жарко, но приятно. Она давно не испытывала такого чувства. Точнее, почти никогда. Отец был аскетичным в вопросах комфорта. В их доме никогда не пахло духами, ароматизированным порошком, жасмином. Скорее, хозяйственным мылом. А здесь, несмотря на лёгкий флёр бабушкиного сундука, было уютно, хорошо – подоконник не завален жестяными банками с гвоздями и окурками, а благоухает зеленью, цветами. Каждый предмет на своём месте. Всё было бы идеально, если бы не хозяйка. Кажется, было большой ошибкой думать, что с ней найдётся что-то общее...

Варя нехотя встала и на цыпочках подкралась к двери. Послышалось чьё-то урчание. «Наверное, кот», – предположила Варя и осторожно нажала на ручку. Вместо ожидаемого заискивающего пушистого хвоста, она обнаружила прикорнувшую Нину, сидящую прямо на полу, опершись о дверной косяк. Её голова была запрокинута, рот приоткрыт, бигуди съехали набок, и она не храпела. Она натурально урчала. На ноге у неё был всего один тапок, второй она крепко прижала к груди.

– Подозреваемая поймана с поличным. В её руке обнаружено орудие убийства – резиновый женский тапок. – прошептала Варя с усмешкой и уже во весь голос добавила, – Доброе утро!

Нина подскочила на месте, отмахиваясь от невидимого врага и солируя не хуже оперной певицы. Ван Гог выстрелил, точно пробка от шампанского и приземлился уже в соседней комнате.

Опомнившись, Нина обмякла, словно неудавшееся тесто.

– Наверное, лунатила. – сообщила она, с виноватой улыбкой поправляя съехавшие бигуди, и привычно кинув взгляд на настенные часы, вскочила, как девочка. – А время-то какое! Уже чай давно пора! Пойду поставлю чайник. А ты иди и умойся.

Нина проговорила всё это настолько обыденно, будто секунду назад не тапком замахивалась, а печенки предлагала.

– И кстати, – она задержалась на секунду, – самостоятельности не нужно.

– Вы это о чём? – не поняла Варя, всё ещё удивлённая и обескураженная.

– Я о крапах в ванной. Ты вчера их перекрутила. И я чуть не обожглась. Ты это нарочно сделала?

– Нет, я не хотела вам навредить. Они ведь перепутаны. Где холодный – горячий, где горячий – холодный.

– Кто сказал, что перепутаны?

– Там цветом показано...

– Цвет тут не при чём. Это дело привычки. В моём доме всё должно быть по моему. Это ясно?

Варя послушно кивнула. Она не стала спорить, не стала собирать вещи и уходить, как планировала ещё ночью. Ей нужно было остаться. Несмотря ни на что.

И с этого дня она начала учиться сосуществовать со странностями хозяйки. Когда та брюзжала, Варя говорила тихим, занудным голосом, очень медленно, с повторениями: «Вам... нужно... меньше... нервничать. Давление... подскочит. Давайте... посидим... молча». И замолкала первой. На удивление, это работало безотказно. Самое главное было – соглашаться. Даже с тем, что всё в этом мире – заговор против бедной несчастной пенсионерки.

Поэтому, когда произошёл инцидент, Нина стала ещё подозрительнее и запретила Варю приближаться к плите. Не то, чтобы Варя расстроилась. Готовка никогда не была её сильной

стороной. «Руки выросли не из того места, а судьба не позаботилась о бронежилете», – говорил отец, в очередной раз залечивая её порезы, ожоги и шишки.

Так бывает – одно неловкое движение, и сети, что тщательно, ювелирно плетутся самой судьбой, внезапно рвутся вопреки законам мироздания.

Вы же не думали, что всё, о чём здесь пишется – это стечение обстоятельств? Нет, так не бывает. Ни в книгах, ни даже в жизни. Всё происходит с целью, и ради цели. И коты. И горелые сковородки.

Кстати, о сковородках. Вот что произошло.

Пока Нина натирала до шершавого блеска бедную ванну, Варя решила приготовить на обед замороженную овощную смесь. Она зажгла плиту, поставила сковородку, налила масло. Всё по протоколу. Кроме того, что она забыла про смесь. Масло раскалилось, задымилось и начало взывать к Вариной совести. Совесть проснулась, но было уже поздно. Варя с размаху всыпала пакет овощей. Сковородка вспыхнула яростным пламенем. В долю секунды всё, что когда-либо могло претендовать на звание «обитель благородной чистоты», превратилось в хаос. Варя от неожиданности схватилась за раскалённую сковороду, и тут же отдёргнула свою руку. Морковные кубики, баклажаны и кабачки устроили феерическое шоу, приземляясь куда угодно, но не на сковороду и уж тем более не в тарелку. Нина Константиновна появилась на сцене в апогее волнения, задыхаясь и готовясь упасть в обморок. Даже маленькая соринка выводила Нину из равновесия, что уж говорить о целом хаосе, до сих пор никогда не виданном в её квартире. Каждая вазочка, каждая салфеточка были на своём положенном месте. Фотографии и картины ежедневно щепетильно поправлялись ровно, почти по линейке. Сервант блесст, как новенький, словно не было десятков лет за его прозрачной душой. Теперь, Нина, которая по крупичкам собирала образ своего жилища, лелеяла каждую складочку и ниточку, сама всё уничтожила, впустив к себе домой безрукое и совершенно неприспособленное к жизни лицо.

Нина медленно присела на стул. Варя суежилась, наливая и проливая мимо стакана, воду. Нине, при виде этого зрелища, хотелось снова и снова падать в обморок.

– Я сейчас всё уберу, вы только не волнуйтесь.

Варя дрожащими обожжёнными руками хваталась за всё подряд: за кусочки морковки, за голову, за кота, за Нину Константиновну, в конце концов.

– Вам лучше? Вот, попейте водички.

Варя сдуру заливала воду Нине прямо в глотку. Нина откашливалась, а Варя со всей силы дубасила её по спине.

У Нины снова и снова крутилась в голове по кругу одна и та же мысль: «А не собирается ли она меня убить?»

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.